

РЕЦЕНЗИИ

**Рецензия на книгу: HESTER H., SRNICEK N. (2023)
AFTER WORK: A HISTORY OF THE HOME
AND THE FIGHT FOR FREE TIME.
London; New York: Verso — 288 p.**

Владимир Кузьмич Карнаух (karnaukh-vk@ranepa.ru)

Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Карнаух В.К. (2026) Рецензия на книгу: Hester H., Srnicek N. (2023) After Work: A History of the Home and the Fight for Free Time. London; New York: Verso — 288 p. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(1): 268–277. <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.11> EDN: BSCWLN

Авторы этой книги — британские исследователи Хелен Хестер и Ник Срничек. Ник Срничек — преподаватель цифровой экономики в Королевском колледже Лондона. Он известен в России как автор книг «Платформенный капитализм» и «Изобретая будущее: посткапитализм и мир без работы» (совместно с Алексом Уильямсом). Хелен Хестер — профессор гендерной политики, технологий и культурной политики в Университете Западного Лондона. Ее исследовательские интересы включают технофеминизм, социальное воспроизводство и теории труда.

В центре внимания авторов — проблемы репродуктивной деятельности и постработы; вопросы использования техники для облегчения домашней работы и неудачи в этом; социальные отношения, связанные с воспроизводством населения; домашние пространства и индивидуализация работы, и, наконец, перспективы постработы.

В вводной главе своей книги авторы акцентируют внимание на том, что в современном мире всё чаще обсуждаются перспективы посткапиталистического будущего. Одним из наиболее заметных проявлений этого тренда стало, по их мнению, увеличение числа проектов, ориентированных на завершение работы и минимизацию ее объемов (р. 1). Труд вызывает проблемы не только из-за того, что он, как утверждают авторы, становится всё более напряжённым и опасным, но и потому, что он остается несвободным в рамках капиталистической системы.

Исследователи выделяют два подхода к пониманию постработы. Первый подход предполагает, что внедрение новых технологий и авто-

матизация приведут к значительному сокращению числа рабочих мест, доступных для людей. Второй, более радикальный подход, отрицает центральную роль работы в жизни человека, утверждая, что люди должны стремиться к освобождению от наемного труда.

Анализируя перспективы пострabоты, авторы обоснованно утверждают, что исследователи преимущественно сосредотачивают внимание на изучении наемного труда и в значительной мере оставляют без внимания работу по общественному воспроизводству, включая воспитание новых работников, восстановление трудоспособности и поддержку тех, кто утратил способность к труду (р. 3).

В целях преодоления противоречия между репродуктивным трудом и пострabотой авторы предлагают модифицированный проект пострabоты. По их утверждению, этот проект может быть полностью реализован только тогда, когда будет принята во внимание репродуктивная деятельность. Согласно данному подходу, необходимо в первую очередь сократить время, затрачиваемое на неоплачиваемое социальное воспроизводство. Поскольку значительная часть такого труда не является ни стимулирующей, ни творческой, авторы считают необходимым стремиться к его минимизации.

Для перехода к пострabоте существенное значение имеют технологии, которым посвящена вторая глава книги. Авторы прослеживают влияние технологий начиная с первых десятилетий двадцатого века, когда происходила «промышленная революция в доме» (р. 17), до распространения интернета, цифровых платформ и «умного дома».

Как же эти изменения повлияли на рабочую нагрузку? В 1970-е годы, как отмечают авторы, обнаружилось, что, несмотря на все новые технологии, время, потраченное на работу по дому, не уменьшалось. Отмеченный парадокс получил название парадокса Коуэн (р. 22) — по имени американского историка Рут Шварц Коуэн, впервые обнаружившей его. Авторы книги исследовали причины этого парадокса.

Автоматизация домашнего труда способствовала его индивидуализации. Деятельность, которая когда-то требовала скоординированных коллективных усилий, теперь могла осуществляться одним неоплачиваемым работником. Так, машинная стирка превратила то, что могло быть коллективным промышленным процессом, в работу одинокой домохозяйки, и, как справедливо отмечают авторы, экономия за счет масштаба (или государственной поддержки) не была достигнута.

Другая причина парадокса Коуэн, по мнению авторов, состояла в том, что по мере внедрения новых домашних технологий распространялись и новые стандарты, поддержание которых требовало дополнительных

трудовых затрат. Производимая дополнительная работа нивелировала потенциальные преимущества экономии времени, обеспечиваемых многими технологическими новшествами. Более того, парадокс Коуэн продолжает действовать и сегодня: количество времени, которое тратится на домашние дела, остаётся примерно одинаковым на протяжении всего XX в.

Таким образом, одних лишь технологий недостаточно для сокращения объема домашней работы. Как показывают авторы, необходимо также учитывать изменения социальных норм и ожиданий, характер гендерного разделения труда, формы домашнего хозяйства. Эффективность технологий зависит от социальных условий, в которых они используются.

В главе «Стандарты» авторы рассматривают, как изменялись стандарты повседневной жизни. К числу быстроизменяющихся стандартов, по их мнению, относятся стандарты чистоты. Чистота начинает рассматриваться как выражение социального порядка, как способ войти в «респектабельное» гражданское общество и как по сути своей цивилизационная практика. Все эти многогранные элементы чистоты проявились в различных аспектах работы по дому — от личной гигиены до стирки и уборки.

Изменения затронули и сферу ухода за детьми. Это обусловлено, во-первых, тем, что современные женщины гораздо чаще заняты оплачиваемой работой, чем 70 лет назад. Во-вторых, государство активно поддерживает уход за детьми посредством финансовых и налоговых льгот.

Почему родители стали уделять своим детям больше времени, чем прежде? По мнению авторов, это связано с изменениями материальных условий жизни: увеличением неравенства, переходом к экономике, акцентирующей внимание на «человеческом капитале», и усилением конкуренции.

Существенные изменения произошли в занятости населения. Если аристократическая праздность когда-то могла быть показателем высокого социального статуса, то сегодня такими показателями стала занятость, превратившаяся в социальную норму, к которой стремятся многие элиты. Новый статус занятости выражается в первую очередь в более продолжительном рабочем времени (р. 75–76).

Культурная трансформация, по мнению авторов, приводит к усилению трудовой этики. В современном мире трудовая этика превратилась в важнейший инструмент самовыражения. Прилежная работа становится стандартом, который прочно укоренился не только в профессиональной сфере, но и в повседневной жизни, проникая в наши дома и быт.

По мнению авторов, недостаточно ограничиться индивидуальными дискуссиями о стандартах. Необходимо изменить структуры, которые

диктуют эти стандарты. В конечном итоге следует создать механизмы, позволяющие совместно определять и юридически закреплять нормы, которым мы хотели бы следовать.

В главе «Семья» авторы анализируют роль семьи в организации репродуктивной деятельности в домашних условиях. По их оценке, эффективность семьи в выполнении этой функции остаётся крайне низкой (р. 82). Исследователи выяснили, что, хотя с 1960-х годов доля неоплачиваемых домашних обязанностей, выполняемых женщинами, уменьшается, а участие мужчин в этих делах незначительно возрастает, гендерные различия в распределении домашнего труда по-прежнему существуют. Для устранения диспропорции в распределении репродуктивного труда и обеспечения равномерного распределения свободного времени среди членов семьи, авторы предлагают пересмотреть структуру семейных отношений.

Исследователи анализируют, как женщины организовывали репродуктивный труд до наступления капиталистической индустриализации. Они выделяют три ключевые черты этого процесса: коллективный характер труда, сравнительно небольшое количество времени, уделяемое домашним обязанностям, и понимание домохозяйства через призму трудовых отношений (р. 87).

Авторы рассматривают изменения в социально-экономической системе при капитализме, в результате которых утвердилась модель «кормилец/домохозяйка» (р. 95). Эта модель, основанная на чётком разделении рыночной и бытовой функций, стала преобладающей в большинстве стран в конце XIX — начале XX века. В тот период активно развивалась особая форма семейной структуры — нуклеарная семья, включающая в себя работающего мужа, жену, не занятую на рынке труда и выполняющую домашние обязанности, а также их несовершеннолетних детей. Такая модель также отличалась чётким разделением сфер рыночной деятельности и быта.

В современных условиях изменение роли мужчины как основного кормильца семьи привело к тому, что замужние женщины стали меньше зависеть от потенциального дохода своих партнеров. Это способствовало росту их финансовой независимости и расширению личных возможностей.

Согласно проведенному исследованию, с начала нового тысячелетия прослеживается тенденция к росту общей продолжительности рабочего времени и сокращению количества свободного времени. Это явление затрагивает как мужчин, так и женщин, независимо от семейного статуса и гендерной принадлежности.

Проведенный анализ позволил авторам сделать вывод о завершении периода относительной стабильности и соответствия между семейными и экономическими процессами. Количество браков сокращается, число разводов растёт, что свидетельствует о переменах в институте семьи. Параллельно отмечается рост числа детей, рожденных вне брака, особенно в странах ОЭСР. Ожидается, что эта тенденция будет усиливаться в глобальном масштабе. Происходит увеличение числа домохозяйств, возглавляемых одинокими родителями, что приводит к формированию новых моделей семейных структур. Статистические данные также свидетельствуют о снижении доли многопоколенных семей, что отражает изменения в семейных практиках и структуре домохозяйств. Домохозяйства, состоящие из одного человека, становятся всё более распространенными.

Тем не менее, как справедливо отмечают авторы, семья остается важнейшим элементом поддержки и защиты. В эпоху капитализма матери зачастую выступали в качестве основной резервной рабочей силы в домашнем хозяйстве. Сегодня фокус сместился с женщины как домашнего работника на женщину как основного неоплачиваемого субъекта заботы. В экстренных ситуациях семьи склонны сокращать наемную занятость, чтобы обеспечить уход за больными родственниками — будь то хронически больные пожилые люди или маленькие дети — предпочитая выполнение репродуктивных функций переходу к полной занятости на рынке труда.

Авторы книги акцентируют внимание на необходимости развития доступных рыночных услуг, социальных программ поддержки и волонтерских инициатив. Это позволит снизить нагрузку на семьи и предоставит альтернативные варианты ухода за теми, кто нуждается в помощи.

Для преодоления нынешнего репродуктивного кризиса необходимо, по мнению авторов, пересмотреть семейные репродуктивные модели на фундаментальном уровне. Это требует переосмысления традиционных представлений о семье, доме, социальных нормах и бытовых технологиях. Только через такой всесторонний подход можно обеспечить справедливое распределение семейных обязанностей и ресурсов, а также создать устойчивую основу для их использования.

В главе «Пространства» авторы рассматривают, как изменялись пространственные формы организации семейной жизни. Исследование пространств репродуктивного труда неразрывно связано с изучением пространства дома. Неудивительно, что проблема жилищной политики стала одной из ключевых в контексте социально-экономического развития городов.

В конце XIX — начале XX в. в различных странах, включая Россию, предпринимались попытки реформировать жилищную политику, чтобы справиться с острым жилищным кризисом. Одним из наиболее заметных экспериментов в этом направлении, по мнению авторов, стала русская коммунальная квартира, возникшая после Октябрьской революции 1917 г. В Вене левоцентристское городское правительство возвело жилые комплексы с мастерскими и прачечными, которые до сих пор вызывают восхищение. Однако проблема обустройства быта и ухода за близкими в условиях женской занятости все еще не была решена.

В отличие от России, в США и Великобритании наблюдалось резкое пространственное обособление домохозяйств. Несмотря на преимущества индивидуальных домов, критики подчеркивали, что их содержание чрезвычайно ресурсоемко и требует значительных затрат топлива, оборудования и времени на выполнение рутинных задач.

В конце XIX в. в ответ на капиталистическую индустриализацию и массовое переселение сельского населения в города впервые возникает социальное жилье (р. 126). Это было вызвано острой необходимостью решить проблему нехватки городских жилых помещений, что побудило европейские правительства активно участвовать в разработке и внедрении альтернативных подходов к жилищному строительству. По мнению авторов, социальное жилье стало не только ответом на острую нехватку жилых площадей, но и способом продемонстрировать, как могло бы выглядеть социалистическое, бесклассовое общество.

В XX в. произошла трансформация жилищного пространства, связанная с развитием массового домовладения (р. 130). Этот процесс, начавшийся в первой половине века, к его концу стал доминирующей формой проживания в большинстве экономически развитых стран. Массовое домовладение изменило социальную структуру городов и пригородов, способствовало стандартизации жилищных условий.

Новый тип жилищного строительства, как справедливо отмечают авторы, помимо экономических последствий, выполнял важную социальную и культурную функцию, способствуя закреплению определенных ценностей и норм. Эти ценности включали упорный труд, занятость, индивидуализм, самостоятельность и определенную структуру семьи.

При реализации этого проекта особое внимание уделялось тому, как частная собственность на жилье может способствовать формированию капиталистической культуры, основанной на личных интересах и самостоятельности. По мнению авторов, расширение домовладения рассматривалось как эффективный способ снизить вероятность вовлечения

работников в политическую деятельность: забота об улучшении жилищных условий отвлекала от участия в политических процессах.

В 1960-е годы в Соединенных Штатах сформировалась субкультура, представители которой противопоставляли себя ключевым элементам традиционной западной культуры или отвергали их. Она получила название контркультуры. Всех участников этого движения объединяло чувство протеста. Некоторые радикальные коммуны 1960-х и 1970-х годов, по утверждениям авторов, можно рассматривать как воплощение утопических идей о посттрудовом обществе (р. 139–149).

В последние годы наблюдается рост популярности неолиберальных коливингов — новой формы совместного проживания, появившейся в крупных городах по всему миру (р. 150). Эти пространства предоставляют набор коммунальных услуг, включая коворкинги, фитнес-центры и другие зоны для социального взаимодействия и повышения продуктивности. Следует, однако, учитывать, что доступ к таким коливингам ограничен. Они в основном ориентированы на молодых одиноких профессионалов, стремящихся к карьерному росту и активному социальному взаимодействию.

Сегодня жилье рассматривается не только как место для жизни, но и как финансовый инструмент, чья стоимость зачастую определяется его доходностью, а не практическими свойствами. Это порождает ряд проблем, таких как увеличение количества элитной недвижимости и недостаток доступного жилья для большинства граждан.

В шестой главе «После работы» авторы попытались обосновать модель будущего социального воспроизводства, основанного на принципах постработы. Основное отличие этой модели от существующих состоит, по их мнению, в переходе от сферы необходимости к сфере свободы (р. 153). В такой системе удовлетворение базовых потребностей человека происходит в условиях, когда свобода не ограничивается необходимостью выживания.

В контексте посткапиталистического общества центральную роль играет время. Целью такого общества является расширение пространства свободы, что позволяет людям осмысленно подходить к вопросу о том, как использовать свое время. Для достижения истинной свободы, по мнению авторов, необходимо чтобы средства производства и распределения находились в коллективной собственности и были доступны каждому члену общества. Изобилие создает условия, при которых люди могут свободно распоряжаться своим временем, не подчиняясь экономическим ограничениям, связанным с продажей рабочей силы.

Авторы считают, что социальное воспроизводство — это особый феномен, находящийся между сферами необходимости и свободы. С одной

стороны, эта деятельность обусловлена потребностями, что позволяет классифицировать её как часть сферы необходимости. С другой стороны, она также может быть результатом свободного выбора, что делает ее элементом сферы свободы.

Особое внимание в работе уделяется цели посткапиталистического общества и средствам ее достижения. Согласно авторам, такой целью является минимизация трудозатрат при расширении возможностей для самореализации и свободной деятельности. В посткапиталистическом мире предполагается значительное сокращение рутинных и обременительных аспектов труда, связанных с общественным воспроизводством, что позволит сосредоточиться на более значимых видах деятельности, выбираемых на основе личных интересов и предпочтений.

Авторы обращают внимание на ключевые принципы, которые определяют будущее социального развития. Они утверждают, что для создания более совершенного общества необходимо опираться на принципы коммунальной взаимопомощи, общественного богатства и темпорального суверенитета, то есть суверенитета личности над собственным временем (р. 157).

Принцип коммунальной взаимопомощи или общественной заботы предполагает социальную трансформацию и расширение сферы отношений заботы между людьми. В результате этого процесса должны быть созданы более эффективные механизмы поддержки и укрепления социальных связей, что в конечном итоге будет способствовать улучшению качества жизни всех членов общества.

Принцип общественного богатства основывается на ограниченности ресурсов, необходимых для его формирования и распространения. В отличие от личного богатства, которое воспринимается как статусное благо, доступное лишь избранным, общественное богатство предназначено для всех его членов.

Проект постработы должен быть ориентирован на повышение личной свободы. Для начала авторы предлагают пересмотреть и, если нужно, изменить законодательные и культурные нормы, которые поддерживают традиционные нуклеарные семьи. Это поможет создать более гибкую и адаптивную систему социальной защиты, которая будет способствовать личностному и профессиональному росту каждого человека.

Авторы отмечают, что для многих пожилых людей совместное проживание может способствовать улучшению физического и психического здоровья, повышению уровня социальной активности и снижению чувства одиночества. Коллективы пожилых женщин часто выбирают такую форму проживания, чтобы укрепить свою независимость, эффективно использовать ресурсы и улучшить качество жизни.

В нынешних обстоятельствах, по мнению авторов, субсидии следует направить на помощь тем, кто нуждается в длительном уходе, включая людей с инвалидностью и пожилых. Эти группы населения особенно остро нуждаются в услугах по уходу и чаще всего принимают такую поддержку.

Авторы выступают за переход к более устойчивой и справедливой системе обеспечения жильем, которая потребует значительных вложений в строительство социального жилья. В условиях капиталистической системы они считают необходимым стремиться к декоммодификации жилья, что должно обеспечить доступ к безопасным, надежным и качественным жилищным условиям для всех, независимо от уровня доходов.

Одним из важных проектных решений, предложенных авторами, является интеграция жилых зданий и коммунальных услуг. Это основано на концепции общественного богатства и направлено на обеспечение доступности объектов и удобств. Жители могут активно участвовать в управлении общественными ресурсами, что сокращает время на бытовые нужды и передвижение. Это особенно важно для людей, занятых репродуктивным трудом.

Создание инфраструктуры для досуга подразумевает формирование пространства, где люди могут встречаться, общаться, творить и заниматься созидательной деятельностью без необходимости что-либо покупать или платить за вход. В этом пространстве можно организовать как традиционные, так и современные высокотехнологичные площадки для коллективной работы.

В итоге приоритетной задачей, как считают авторы, является не минимизация трудозатрат как таковых, а создание условий для высвобождения времени и формирования институтов, которые позволят человечеству осознанно и коллективно управлять своим развитием. Необходимо обеспечить свободу в определении приоритетов и направлений деятельности.

В заключение следует отметить, что заслуга авторов рецензируемой книги состоит в тщательном исследовании репродуктивного труда как особой формы работы, анализе его эволюции и выявлении причин, по которым он длительное время оставался без должного внимания исследователей. Рецензируемая книга носит просветительский характер и, по существу, представляет концепцию развития репродуктивной деятельности в условиях постработы. Однако она не дает ответа на вопрос, как реализовать эту программу без радикального изменения сложившихся общественных отношений.

**Book Review: HESTER H., SRNICEK N. (2023)
AFTER WORK: A HISTORY OF THE HOME
AND THE FIGHT FOR FREE TIME.
London; New York: Verso — 288 p.**

Vladimir K. Karnaukh (karnaukh-vk@ranepa.ru)

RANEPA St. Petersburg,
St. Petersburg, Russia

Citation: Karnaukh V.K. (2026) Book Review: Hester H., Srnicek N. (2023) *After Work: A History of the Home and the Fight for Free Time*. London; New York: Verso — 288 p. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(1): 268–277 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.11> EDN: BSCWLN